

Дмитрий ЛИХАЧЕВ

С академиком Дмитрием
ЛИХАЧЕВЫМ беседует
петербургский
корреспондент «МН»
Андрей ЧЕРНОВ

Накануне нашей встречи в гости к академику пожаловали двое чекистов: Шестидесят четыре года назад визит людей из этого ведомства закончился для академика (тогда, впрочем, всего лишь студента Ленинградского университета) четырехлетним соловейским заключением. И теперь чекисты пришли по тому самому делу. Пришли, чтобы передать ученому папку с ксерокопиями его допросов, ордером на обыск и арест в 1928 году. Оказался в деле и шуточный доклад о преимуществах старой орфографии, писанный двадцатилетним филологом в подражание старообрядческим сочинениям XVII века. Академик уже успел забыть, что непрочитанный этот доклад, «капустничков» текст для «стебовой» студенческой компании, именовавшей себя «Космической Академией Наук», вообще был записан тогда собственной его рукой. И стал для следователей главным аргументом вины.

«Ну и как доклад?» — спрошу я. «А вы знаете, хорошая работа... Хотя, конечно, и несамостоятельная».

МН — Дмитрий Сергеевич, то, что я хочу спросить, видимо, достаточно банально. «На заре перестройки», то есть на закате коммунистической эпохи, вы призвали общество к покаянию. Свершилось ли оно?

— Ни в коем случае. Сама мысль о покаянии многих привела в буйство, в ярость. Особенно это задело членов различных президиумов — лауреатов, «героев»... Как, мол, так: «У советских собственная гордость», а Лихачев зовёт каяться... Но покаяние — это не разрывание собственной рубахи на площади, это — осознание исторической перспективы. Ведь грех, нераскаянный грех — это камень не на прошлом, а на будущем человека, всего общества. Даже с точки зрения разума — нерационально тащить этот камень, чтобы придавить им свой завтрашний день.

МН — Итак, повторение собственных ошибок — примета нераскаянности греха? И напротив, если нет покаяния, значит, и ошибки, и преступление, скорее всего, повторятся?

— Ну конечно! Это нравственный закон, а он так же неумолим, как, скажем, законы физики. Давайте покажем это на примере... ну хотя бы трех современных политиков. Один начинал перестройку, освободил от тоталитаризма Восточную Европу... Великий человек... Но он даже не понял, что же произошло с ним в форосском его заключении, для чего этот плен, к чему... Этот человек проиграл нравственно и вынужден был уйти.

МН — Но уход его был достойным. А это значит, что Горбачев все-таки что-то начал понимать не только в сфере политики и власти. Может быть, то покаяние, о котором он и слышать не хотел, делает свою работу?..

— Увидим... Но вот второй политик, наш нынешний президент. Заметим, что возвращение этого человека в политику началось только после его партийной опалы, после человеческого его покаяния. И Ельцин первый, кого к власти привел народ, поверивший в искренность раскаяния...

МН — Его автобиографическая книжка называлась «Исповедь...» Пусть и имело это слово школярское продолжение «...на заданную тему».

— И есть глубокий смысл в том, что первый президент России из — Екатеринбурга, где расстрелян последний русский царь.

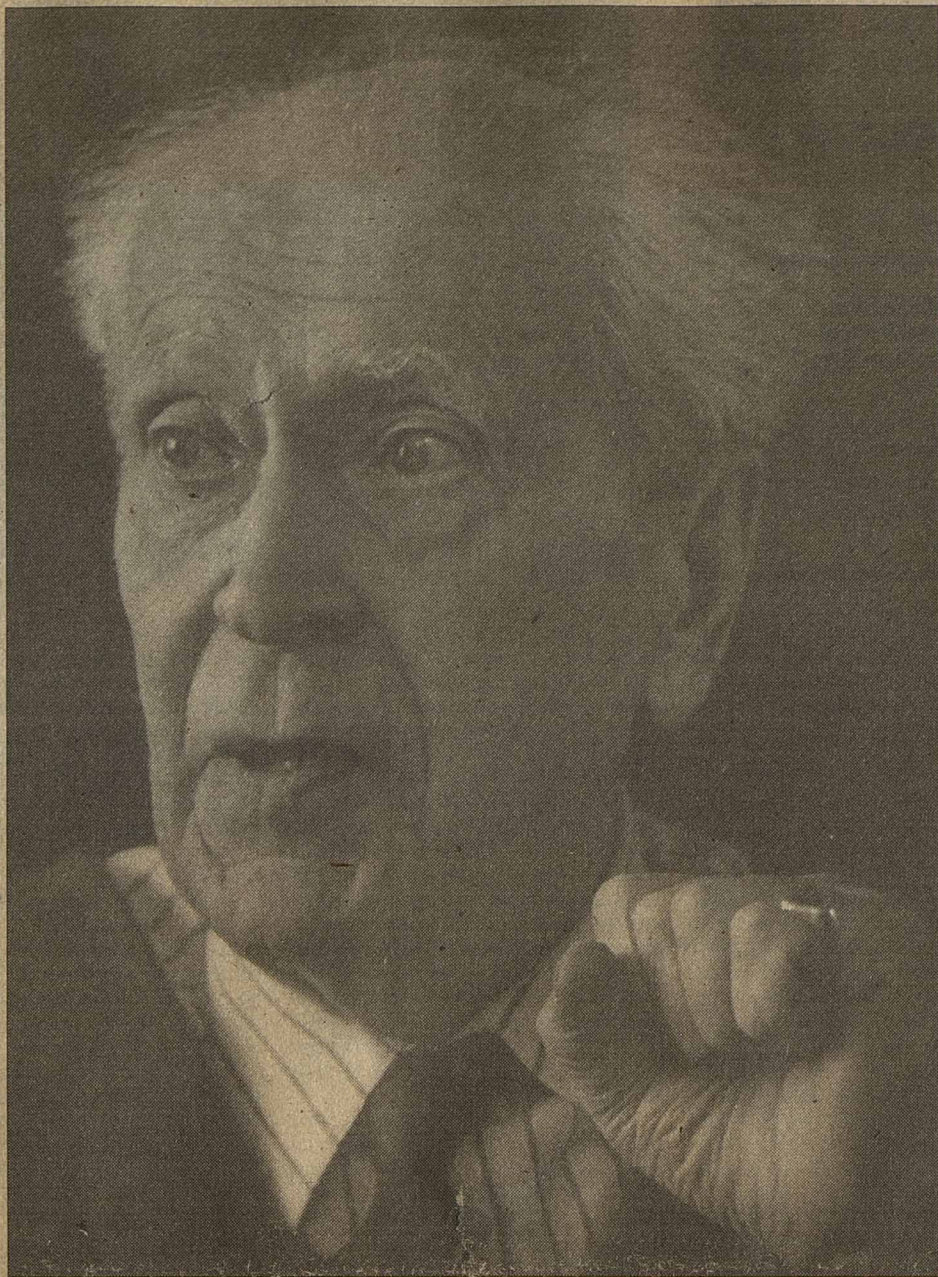

фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

...нам дан последний шанс...

МН — Я помню, как в нашем городе, тогда еще Ленинграде, по аудитории прошел стон: Ельцин признался, что это он сносил дом Ипатьева... Это признание, а заодно и эта реакция зала были как запах озона после близкого удара молнии. Кстати, этим тема была закрыта даже для оппонентов. Но кто же третий политик?..

— Кравчук. Если вы видели недавнее его интервью по телевидению, то, наверное, обратили внимание, как он рассуждал о голоде на Украине в начале тридцатых... Президент говорил, что он «не знал»... Да как же не знать, когда знала вся страна! В Ленинграде тогда даже подвезды велено было запереть на ночь: в них пытались ночевать голодные украинки с ребятишками... Мужчин-то не было: их посадили или постреляли... И вот человек, заведовавший идеологическим отделом ЦК КПУ, говорит, что ему не говорили... И я невольно спрашиваю: почему? Он не хотел слушать? Или этому человеку боялись рассказать? И где гарантия, что завтра уже о чем-то другом, общеизвестном он не будет пребывать в неведении?

МН — Дмитрий Сергеевич, не получается ли, что «своего» президента мы нахваливаем, а «чужого» пинаем?

— Нет, не получается. Ельцин тоже делает ошибки, и как раз сегодня я вынужден был отправить ему телеграмму с протестом. Это по поводу минского соглашения о разделе библиотек, архивов и музеев между «независимыми государствами». Потому что это соглашение — преступление против национальных культур всех наших народов. Подготовили и подписали его невежественные люди. Что значит возвращать памятники по национальной принадлежности? Мы станем сбивать в киевских церквах фрески Врубеля и Нестерова? Или вспомним, что знаменитый спящий лев на алушкинской лестнице — из Эрмитажа? А куда мы в Петербурге денем западную живопись, благодаря которой в Ереване был создан неплохой музей? Вы представляете, какой пик национализма и шовинизма поднимется в наших народах, когда, скажем, из провинциальных музеев начнут вывозить в обе стороны то, что уцелело... Это же путь к Карабаху в границах всего бывшего Союза! Путь к фашистскому режиму в каждой республике. И если б я

не был уверен, что парламент не ратифицирует преступное это соглашение, то, наверное, стал бы подыскивать себе другую страну, чтобы дожить отпущенное мне... Ну, а возвращаясь к разнице, которая все же существует между Ельциным и Кравчуком, скажу: Кравчук идет по проторенной Горбачевым дорожке. Это очень опасно для политика — стать заложником наиболее агрессивных сил.

МН — И эти силы всего опаснее в кризисные времена.

— Разумеется. Во всяком народе всякое и наметано. Есть и китежская дева Феврония, есть и Гришка Кутерьма, есть и доносчик Шахлоутиль из «Хованщины», поющий гениальный лирический плач по Руси. И большевистская революция была тоже народная, и интеллигенция участвовала в разграблении национальных и частных коллекций точно так же, как крестьяне — в разграблении помещичьих усадеб и захвате чужой земли. Все, все были повинны: и власть, и революционеры, и народ. Другое дело, что человек, не желающий признать свою вину, всегда станет валить на соседа. А лучше — на инородца. Да, Октябрьская революция во многом была революцией национальных окраин. Потому так много среди революционных функционеров поляков, латышей, евреев. В этом нет никакого «заговора», восстали угнетенные. А Емельян Пугачев или Степан Разин тоже жидо-масоны?.. Нераскаянность, неисправленность пути — это путь в пучину нового насилия. Нам дан последний шанс это понять, ибо любая смута в ядерной стране — почти апокалипсис.

МН — Вспоминаю ваше выступление в «МН» за считанные недели до путча. Вы тогда убеждали власть отказаться от применения

ДОСЬЕ «МН»

ЛИХАЧЕВ Дмитрий Сергеевич родился в 1906 году. В годы сталинского террора был репрессирован, с 1928 по 1932 год отбывал срок в Соловецком лагере особого назначения, с 1931 года принимал участие в строительстве Беломоро-Балтийского канала. Окончил Ленинградский государственный университет. Основная область интересов — древнерусская литература. Доктор филологических наук, профессор, академик Российской Академии наук. Заведующий отделом древнерусской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом») РАН. Председатель президиума правления Российского международного фонда культуры (ранее называвшегося «Советский фонд культуры»). Народным депутатом СССР избран в 1989 году от СФК, входил в Комитет ВС СССР по науке, народному образованию, культуре и воспитанию, был членом комиссии по вопросам депутатской этики.

военной силы против собственного народа.

— Когда говорят о «неудавшемся путче», о неудаче коммунистических заговорщиков 19 августа, мне хочется спорить. Путч провалился не потому, что был плохо подготовлен, а потому, что народ оказался другим, не таким, на который рассчитывали путчисты, и не захотел идти под нового диктатора. Другое дело, что протест может быть активным, а может и пассивным. Но не станем забывать, что на русских и греческих иконах архангел Михаил изображен с мечом. И этот меч был в те дни в руках Ельцина, в руках того майора Евдокимова, который привел девять своих танков к российскому «Белому дому».

МН — О послепутчевой судьбе Евдокимова недавно писал в «МН» Геннадий Жаворонков: майор оставался майором, пока наша газета прямо не обратилась к президенту. Тогда ему присвоили подполковника...

— Знаете, я был единственным выступавшим от всей Академии наук СССР на митинге 20 августа на Дворцовой площади. Что было потом?.. Потом меня не ввели в президиум Петербургского научного центра академии. Директор библиотеки Академии наук (тот самый, который сразу после страшного пожара 1988 г. в ней смог уехать на несколько дней в заграничную командировку и всячески преуменьшал потери) на днях, выступая по телевидению, призвал оградить библиотеку от моих «клеветнических выступлений». А ведь я всего-навсего выступил на Дворцовой... Так что Евдокимову я могу сказать одно: «Товарищ подполковник, вы знали, против кого шли. И не надо надеяться на благотворительность этих людей. А народная память — высшая из возможных наград».

МН — После путча, осенью прошлого года, Андрей Донатович Синяевский в китайском ресторанчике на окраине Парижа сказал мне, что теперь ждет небывалого расцвета русской культуры. Даже если Русь останется в границах Московского княжества...

— Знаете, я тоже уверен в культурном российском ренессансе. Какой по счету это будет пик русской культуры? Давайте вместе посчитаем... Языческая культура Древней Руси, Киевская Русь после крещения ее Владимиром, Московская Русь, Петр, Пушкин, наконец, советская культура (как бы к ней ни относиться!) Значит, сегодня мы живем в ожидании седьмого пика русской культуры, седьмого ее рождения. Только этот подъем будет, наверное, самым трудным, ведь позади семь десятилетий разора, культурного геноцида.

МН — Дмитрий Сергеевич, давайте вспомним другую нашу беседу. «Огонек», канун 1000-летия крещения Руси. Тогда приходилось объяснять даже самые элементарные вещи, и это воспринималось как откровение! Прошло всего четыре года, и сегодня не надо доказывать, что христианство стало мощным источником духовной и творческой энергии народа.

— Да, перемены огромны. Но что нужно для счастья народа? Прежде всего — стабильность уклада всей культурной жизни. Такая стабильность уже была однажды достигнута, в XIX веке, при Пушкине. И это было высочайшей точкой развития культуры. Другой период такой стабильности — начало XX столетия. И это несмотря на все революционные катаклизмы!.. Именно Серебряный век примирил религиозную и нерелигиозную мысль. Новый расцвет будет питаться всем тысячелетним опытом нашей культуры. Но наступит он не раньше, чем стабилизируется народный быт. Вот почему так важно, чтобы библиотеки и музеи стояли на своих местах, чтобы картотеками и каталогами можно было открыто пользоваться. Ничего нельзя насильственно «перемещать», «возвращать», как у нас недавно придумали «по месту происхождения». Давайте осознаем, что художественные, исторические и культурные ценности не принадлежат ни директорам музеев, ни даже суверенным народам и нациям. Они — достояние всего человечества, и народ — это только хранитель, а не владелец общечеловеческих ценностей. И творцы культуры, даже самые национальные, тоже достояние всего человечества, а не одной нации. Как воздух, как солнечный свет.

Михаил Ю. Сердюков

22.3.92.